

A close-up photograph of a human hand, showing the palm and fingers. The skin is a warm, reddish-brown tone. The fingers are heavily smudged with dark, almost black, ink or paint, particularly on the tips and along the ridges. The background is a blurred, light-colored surface.

НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

ВАНЯ, ДЕРЕВЕНСКИЙ ЗОМБИ

Николай Кузнецов

Ваня, деревенский зомби

«Издательские решения»

Кузнецов Н. В.

Ваня, деревенский зомби / Н. В. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934392-5

Иван Запредельный, обычный русский зомби. Живет в деревне Перловка, Самарской области. Живет как может, любит женщин, дружит с собаками, помогает местным, решает проблемы... «Наш ответ Голливуду». Сборник историй.

ISBN 978-5-44-934392-5

© Кузнецов Н. В.
© Издательские решения

Содержание

Баня	6
Зомбо-кефир	9
Сердитый бык Федька	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ваня, деревенский зомби

Николай Викторович Кузнецов

© Николай Викторович Кузнецов, 2018

ISBN 978-5-4493-4392-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ваня, деревенский зомби

Иван Запредельный, обычный русский зомби. Живет в деревне Перловка, Самарской области. «Наш ответ Голливуду».

Оглавление

БАНЯ

ЗОМБО-КЕФИР

СЕРДИТЫЙ БЫК ФЕДЬКА

СОБАКИ

КРУТЫЕ БРАТКИ

СТОМАТОЛОГИЯ

ГАЙЦЫ

ВАСЬКА И ПОЛКАН

ЁЖИК

UPGRADE

СТРАННЫЙ СОН ИВАНА ЗАПРЕДЕЛЬНОГО

ГОЛЛИВУД

УЛЕТЕТЬ НА ОБОНАХУ

ПРЕЗИДЕНТ

АМЕРИКАНСКИЙ АСТРОНАВТ

ХАМЛО

ТАТУПЕД

СТРИТРЕЙСЕР

ЧЕРНОЕ ЗНАМЯ НОУРЭСА

**РОКЕР ПРОЛОГ, ИЛИ ИВАН ЗАПРЕДЕЛЬНЫЙ ЕФРЕЙТОР ПРОЛОГ, ЧАСТЬ
ВТОРАЯ. ДИВЕРСАНТ**

ПРОЛОГ, ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. МАТЬ ВАШУ! ЗОМБИ!!!

Баня

– Не, а я, чего? Я ничего, Ваня просто. Ну, зомби, ну подумаешь! Не человек что ли. Нет, конечно, я не человек, но ведь и не тварь какая. Правда, со слухом проблемы иногда бывают. Но, как сказал наш Митрич, фельдшер наш деревенский, – ты, главное Ваня, не заморачивайся. У тебя там все высохло, в смысле: в ухе. Там, типа, косточки слуховые стали западать, барабанчик, улитка типа. Вот молоточек и западает. Ты башкой то своей встряхни, или сам себе подзатыльник сделай. Вот косточка слуховая встряхнется и на место встанет. Ну, ясен перец, не тупой, понял. Проверил, действует.

Шел как-то, по улице. И дернул меня черт зайти в баню. Сроду там не бывал, а как зомби стал, так и подавно. А тут понесла меня нелегкая. Я-то ведь уже говорил, что со слухом проблемы бывают, так ведь еще и зрение ко тьме, не сразу у меня принаравливается. Что-то мне понадобилось, в общем, не помню уже и что.

Открыл предбанник, ничего не вижу, не слышу, захожу, в общем.

А там, матерь божия, все наши девки местные сидят голяком. Надька с Катькой, девахи, ух какие! Загляденье просто. Что груди, что остальные причиндалы. И-эх! Красотища то какая! А с ними еще Зинка и Ленка были. Но эти, по оснастке своей, конечно уже не то.

Главное, Зинка меня и увидела первой. Как заорет благим матом и бац, мне шайкой своей, прямо по башке и засветила. Я тут конечно в предбанник и вылетел. Сижу на полу, башкой верчу, не сломали ли мне чего. Чувствую, слух тут ко мне и вернулся.

Зинка орет как скаженная. Надька хохочет и кричит,

– Дура ты, блин косоглазая, Зинаида, кончай блажить. Это же Ванечка, зомби наш. Он же, как телок, безобидный. Даром, что мужчинка бывший. Ванюшка, – это значит, она меня зовет, – ты как там сердешный, не поломал ли чего? Веничком меня то похлопай. А та бабы наши силенок не имеют. – И хохочет зараза.

А мне, что? Ну, похлопаю веничком, эка невидаль. Мне ведь от этого пара ни толку, ни пользы. Да и вреда особого нет. Взял веничек в руки, охаживаю прелестницу. Все-таки, красивая. Ух, какая деваха!

Зомби не зомби, но мужчинское мое начало встрепенулось во мне, встрепенулось, да и погасло. «Пипин» то мой, давно ведь сволочь отвалился. Но, все равно приятно.

Похлопал, значит, я Надьку, потом Катьку похлопал веничком то. Ну, тут и Зинаида с Еленой Сергеевной, агрономшей нашей, немного осмелели и давай меня уговаривать и их попарить веником.

А я что? Без проблем. Говорю, ведь ни жарко, ни холодно. Правда кожа на руках от горячего пара начинает немного портиться. А так ничего.

Попарились наши девки, раздумянулись, похорошели. После баньки то, квасу целый жбан хлопнули и пошли по деревне песни петь. А я вышел, сел на завалинке, обсыхаю, значит.

Слушаю. И красиво ведь поют, заразы!

Тут надобно бы заметить, что левая моя нога сломанная, а срастись-то, уже не может. Просто по факту моей мертвости: крови то нет, да и жизни нет, в биологическом смысле. А как жить, существовать в смысле? Со сломанной ногой и не походишь, да не ровен час, и без ноги то останешься.

Взял я пару дощечек от битой бочки, приладил к ноге своей с двух сторон. Да и обвязал стальной проволокой. Пассатижами затянул покрепче. Смотрю, люблюсь сделанной работой. Ходить стал, правда, немного боком. Левую подволакиваю. Ну, вылитый зомби.

Сижу, смотрю. Дощечки мои немного ослабли. Поправил. Обсох малость и пошкандылябил до дому, до сарайчика своего.

Так и живем. Правда, девки стали ко мне приставать, каждый раз, как в баню собираются. Надоели хуже горькой редьки...

Зомбо-кефир

Вот, до чего же противная тетка Глафира, как увидит меня, блажить начинает, орет: – Зомби идет, нечистая, спасайся, кто может. И все норовит, швырнуть в меня что-нибудь тяжелое. А потом пойдет по деревне и давай стращать местных баб: – мол, Ваня-зомби глаз дурной имеет. И девкам перед ним нечего ходить. Сглазит мол, вовек не выйдет девка замуж. И куры нестись не будут. И трава не расти.

Ух, достала тетка Глафира. Было даже желание её саму стукнуть чем-нибудь по башке. Да потом жалко стало. Да и в деревне не одобряют.

Ну, в самом деле, зомби как зомби, не кусаю никого. Живу себе потихоньку, ни кому не мешаю. А тут на всю улицу: – Нечистая сила, свят, свят, свят.

ТЬфу, пакость блин, а не тетка. В принципе она и раньше меня доставал, пока я человеком был. Только орала другое: – Ванька, скотина, опять пьяный на сеновале валялся...

Я даже с попом нашим, местным, на эту тему общался. На тему: «что такое есть я»?

Как он мне объяснил, есть сущность духовная. В смысле, все живое. Ну, там птички всякие, рыбки, звери, люди в том числе. Цветочки, листочки, деревья. Все это есть «суть духовная», в смысле: все имеет свою душу. А вот, что не живое, есть «суть мертвое». Или «души, как не имеющее». Камни всякие, песок, глина, воздух и прочее. Ну и мертвые, в смысле, как есть суть бездуховная.

Что же относительно меня, Вани, деревенского зомби, то тут возникает интересное явление. Я как есть человек мертвый, значит «суть бездуховная». Но, при том – при всем: «имеющий душу». По принципу: «раз я мыслю, значит существую».

Долго мы с батюшкой препирались, один раз даже он захотел мне треснуть кадиллом по кумполу. Но, потом передумал. И вынес решение, что я есть «суть третья и непостижимая». На том мы и расстались.

А началось все с того, что мне захотелось испить молока. Как раньше, когда человеком был. Взять так с литр молока, только, что от коровы и испить душевно. Ну и зачем дело встало? Пошел я, значит, на ферму нашу. Зашел, вижу, стоят бидоны заполненные, а рядом никого и нет. Взял я баклажку, которая почище будет. Зачерпнул. И...

Испить то я решил молока, да вот не подумал, как оно на деле то получится. А получилось нечто.

У меня в шее сбоку дырка, спина сзади и слева немного подрана, ребро торчит. И бок внизу справа, где печенка, кажется должна быть, дырка там большая была. Я ведь неживой вроде как, мне вообще все пофиг. А зрительно получается неудобно. И трбуха вся моя вываливается из дыры. Это меня прошлой зимой, медведь подлюка подрал и бок мне вырвал. Я дома после сподобился, напихал всякие ватины и тряпки себе в бок. А поверх кусок кожи со старого дивана содрал и нитками суровыми на свой бочок нашил. Главное с виду смотрится вроде, как и ничего даже.

Ну и так вот, пью я, значит, молоко. И оно как потекло, со всех дыр, мама не горюй. Из шеи хлещет, со спины течет и, из дыры залатанной, в боку моем подтекает малость. И, что самое обидное, попить то попил, а толку то? Язык как дохлая селедка, ничего, ни ощущений, ни удовольствий. Одно расстройство.

А тут бабы идут, как раз за бидонами, грузить их в тележку и на дорогу вытаскивать. Там тип один, городской, Семен Петрович подъедет и в город свезет.

Оно ведь как было все поставлено у баб нашенских? Молоко в бидонах сдают в город. Там платят более-менее нормально. Деньги везут в контору нашу сельскую. После бабам нашим

зарплату выдают. А сейчас что? Ни конторы, ни зарплаты. Бабы стали сами молоко свозить в город. А там одни прощелыги, не хотят платить денег никак. И пропадает молоко ни за грош.

Выставили они молоко возле дороги, ждут машину. А молока где-то, литров триста, было в бидонах. Подъезжает тут деловой один, из городских. Подходит к Катерине и спрашивает:

– Молока продадите?

– Почему бы и нет? Пробовать будете или как? – Катька наша, бойкая девка. Если уж попался клиент, никогда не упустит,

– Ой, что у вас кефир что ли? А ну-ка, ну-ка. Дайте, дайте, еще попробую, – ошарашенная Катерина налила клиенту еще полбанки. Как потом мне бабы рассказали, все триста литров молока превратились в кефир. Первый клиент сразу купил в канистре пять литров, потом подъехали еще, распробовали. И пошло дело, Наши бабы понять ничего не могут.

Зинаида потом, уже когда все продали, смикитила, как самая образованная. Из бухгалтеров, как никак:

– Это все Ванькины проделки, я видела, как он молочка испить то пробовал. Пьет, значит, а со всех дыр так и хлещет, так и хлещет...

В тот день бабы так и не решили, плохо это или хорошо, что я все молоко «сглазил». И в кефир свернул. Но зато, когда следующим утром, в деревню заявила «огромная» толпа желающих испить «зомбо-кефир», вот тут-то бабенки то наши и удивились. Потом как дошло до них, в чем дело, Надька, блин, здоровая как лошадь, взяла меня за шкуру одной рукой и на ферму. Сама мне в руки ковшик дала, молока поллитру. И говорит:

– Надо Ванечка, надо. Ты уж постарайся для общества. Наш кефир теперь знаменитость, Городские понаехали, все только про зомбо-кефир говорят. А эти с молзавода все секрет наш хотят вызнать, Ну, наша Зинаида, свет Ивановна им фигу показала и говорит: «Фиг вам, – говорит, – индейский домик называется. Вы про авторское право слышали? «Зомбо-кефир» наша авторская разработка. Чистый эксклюзив.

Вот так у них дело и сложилось. Главное и мне работа кой-какая представилась. Одно «но», только. Как мне это молоко надоело! Но, для общества, не грех и поработать.

Сердитый бык Федька

Все хорошо, но жару я переношу плохо. Почему не знаю. Говорят, от жары мозги спекаются, а мне то чего страдать, что там у меня вообще осталось в черепушке то моей. Но, жара, блин. Пошел я за село наше, в луговину одну. Там в траве уляжешься и не жарко вроде. Букашки разные ползают, птички поют. Одно слово, покой.

Хотелось полежать отдохнуть ото всех, да не тут-то было.

Слышу крики, бабы орут и дети, вроде, тоже как плачут. Непорядок ясен пень, поковылял я по-быстрому в ту сторону, спроверить то, что там случилось. Ну, пока с моей деревяшкой доковыляешь, блин. Слышу, бабы орут: «Мол, Федька бык сорвался подлец, с веревки, и по луговине носится бешенный. А там детишки наши местные, чуток ранее, играть собирались.

Стоят бабы орут, ругаются: кто на быка пойдет, а кто детей искать будет. А из мужиков то, вообще один «старый перец» Тимоха. «Сто лет в обед». «Божий одуванчик», пастух блин. – «Дунь и ветром унесет». И я, вообще непонятно кто, полутруп, получеловек. Зомби, словом.

Но детишек жалко, блин. Это факт. Поковылял я в травушку муравушку. Иду, а сам думаю: «А ну как шандарахнет меня Федор, что от меня останется? Ведь дохлый я, и мясо мое еле-еле висит, на костях моих держится и кожа моя дряблая, дерни то и порвется. Ну, а если руку там оторвет или ногу, кто меня ремонтировать будет. Какая, нафиг, скорая меня возьмет? Скажут, а зачем вы нам труп привезли? И все!»

Тут слышу плач детский. Смотрю: ага, вот две пятки из травы торчат. Вытаскиваю, а это Васенька, сынок Натальи Петровны. Живет в конце улицы, из новеньких. С города съехала, да у нас и устроилась. Спрашиваю:

– Васек, кто с тобою был еще?

– Дашутка и Мишутка, они в ту сторону убежали. – думаю: «ага, значит Даша и Мишка, близнецы Ленкины в сторону деревни ускакали», – а сам продолжаю допрос трясущегося мальчика:

– Ты это Васек, а быка Федьку не видал?

– Дядя Ваня, так вот ведь он, – и показывает пальчиком за моей спиной...

«Матерь божия, святые угодники! Не-е-ет! Ну, вот спрашивается, на кой фигандос мне такое счастье, быть зомби. Лежал бы себе в земле, разлагался бы. И в ус бы не дул.

А тут... блин, блин, блин!!!»

Федька бык стоял в двух метрах от меня. Как могла такая громадина тихо подобраться ко мне за спиной, непонятно. Килограмм, так на пятьсот, как минимум. Рога не обхватишь. Из носа пар идет. Копытом подлый зверь землю рыть начинает. Злобно тарашится красным глазом, фыркает мерзко. К тарану готовится.

Ну и что, спрашивается, мне делать? Силенок раз, два и обчелся. Один раз врежет мне сволочь и: «фантастический пипец мне гарантирован. Скорый и, очень даже заметный».

Сквозь остатки зубов шепчу мальцу:

– Василий, там мамка твоя ругается, тебя потеряла. Ты это, давай-ка по-быстрому ползи назад. И до дому, бегом, понял меня?

– Дядя Ваня, а как же вы?

– Я кому сказал, а ну бегом марш. – Тут у меня уши опять заложило малость. Я так, сам себя, легонько по затылку треснул: «Ага. слух восстановился. Слышу, как малец шуршит. Уполз, значит».

Бык стоит, на меня злобно смотрит своими, кровью налитыми, глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.